

Правда о войне и человеке

Василю Быкову—60 лет

Наступает время, когда о писателе, которого ты читаешь годы и годы, каждую книгу которого воспринимаешь и как явление общественное, и как совершенно необходимое для тебя откровение, воспринимаешь не только с житейским, но как бы еще и с наджитейским вниманием — наступает тот срок, когда об этом писателе ты хочешь сказать все, чем он тебе дорог.

Конечно, ты понимаешь, что сказать «все» все равно не удастся, это невозможно по отношению ни к одному истинному художнику, но двигает тобой именно это желание, это чувство.

И вот я начну с того, как Василь Быков начинает каждую свою вещь.

А начинается он ее удивительно просто, чуть ли не упрощенно, такое впечатление, как будто бы и сам-то автор размышляет и сомневается — а должен ли он писать? А сумеет ли? А те ли именно строки вывела рука на первом чистом листе бумаги? Те ли слова? То ли придано им звучание и настроение?..

Так начинается этот писатель каждую встречу с читателем, как бы обращаясь к нему за поддержкой и соучастием, а потом вы уже и не заметите, когда и где автор этот овладеет вами совершенно, до конца, до самой глубины души вашей.

И это — не литературный прием, нет, нет, этого не выдумашь и не изобретешь при всем желании — это сам автор и его собственное первое прикосновение к материалу, к литературе и к ее предмету, то есть к жизни. К той жизни, о которой он вот сейчас, сию минуту, решил нас поведать.

Всякий раз это будет рассказ о войне, то есть о той жизни, о которой действительно нельзя говорить бестрепетно, с непоколебимой уверенностью в самом себе, в своих силах и своих возможностях.

Вот так-то мы, читатели, уже и задеты за живое, уже чувствуем, что событие назревает грозное, трагическое и мирового значения, но возложено

то оно на плечи человека обыкновенного. И вот уже у нас перехватывает дыхание, уже мучает нас предчувствие: «Что-то теперь будет? Как это будет?»

А это всегда будет правда. Суровая, трагическая, но никогда не малодушная. Если вдруг и явится на страницах Василя Быкова человек малодушный, так именно он-то и вызывает в нас чувство страха: неужели среди нас, людей, защитников родной земли, могут быть и еще такие же?!

Это — правда, которую Василь Быков ищет и находит не только в своих героях, но даже и в нас, его читателях. Без такого поиска этот писатель писать не может, без него он — не он, и мы понимаем это и позволяем ему ежеминутно поверять на правоту и правду нас самих. Конечно, он и в этом, быть может, самым глубоким смысле искусства, не единственный.

Но — редкостный. Очень немногих писателей с таким же даром души и таланта я знаю, очень немногим читатель позволяет судить себя, ставить на место того или другого литературного героя. И, кажется, даже допрашивать по высшей совести — а как бы поступил на этом месте ты? Что ты чувствовал бы, как бы смотрел на жизнь, на окружающих людей — так же, как этот герой, или как-то иначе? Если иначе — в чем бы это «иначе» заключалось?..

Вот какой дар общения с читателем у писателя Василя Быкова. Прочитаешь его книгу, переболеешь болями, ранами и смертями его героев, и приходит к тебе выстраданное, но светлое убеждение: значит, даю же человеку вот так постигать истину — в самых невероятных, в самых трудных причинах и обстоятельствах?

А если это дано человеку природой, значит, природа же и обязывает его жить, переносить страдания, верить, любить, сострадать, искать и находить убеждения, нуждаться в еще более глубокой и откровенной правде.

Тут вот еще в чем дело: у Василя Быкова я нахожу какую-то удивительную слиянность между интимностью создаваемого им характера и глобальностью происходящих событий. Глобальностью отнюдь не в смысле географическом, когда автор показывает нам развитие событий на пространстве в тысячи километров, нет. Здесь пространственно события всегда строго ограничены, глобальны же они в смысле их общей человечности, в том, что они касаются всех и каждого, что каждый из нас, читателей, чувствует себя присутствующим рядом с его героями, даже дыхание их чувствует, и погружается при этом в то состояние, которое можно, наверное, обозначить так: «народ на войне».

Да, миллионы и миллионы читателей Василя Быкова побывали и пострадали на этих узких участках военных действий взводов, рот и батальонов.

Кроме того, лично для себя я не нахожу никакой возможности, как принято выражаться у нас в критике и литературоведении, «разбирать» произведения Быкова, расчленяя их на общепринятые составляющие, такие, как «фабула», «сюжет», «достоверность», «главная мысль произведения», «эстетическое чувство», «эмоциональность» и т. д. — нет, здесь другое, здесь души его героев, они-то и составляют его цельную душу произведения, которому нужно верить до конца (не верить, кажется мне, нельзя, невозможно).

И так же, как нельзя разложить человеческую душу по полочкам, так же не нахожу я этих полочек и для творчества Быкова. Все в него едино и единственно.

Я даже никогда не задумывался над тем, что у этого писателя лучше и сильнее, а что, может быть, несколько слабее. Для меня это несущественно.

Будь это «Атака с ходу», «Сотников», «Дожить до рассвета», «Его батальон», «Знак беды» — все это для меня Василь Быков, только он и толь-

ко оно — ничем другим не заменимое.

Такое вот ощущение..

Теперь дальше.

Мне часто приходится встречаться со своими западными коллегами-писателями, и вот — обычный, ставший уже стандартным их упрек советской литературе: «В ней слишком много пишется о войне. Пора бы войну забыть — это было бы гуманно!»

В подтексте — а иногда и впрямую — за этим следует такое продолжение: значит, ваша литература воинственна!

А ведь это совсем-совсем не так, это или заведомая ложь, или глубокое заблуждение, и наши писатели, неизменно пишущие о войне, пережившие ее и физически, и духовно, потрясенные ею навсегда, оказались мудрецами и провидцами: нельзя было забывать это потрясение, не имели они права этого делать и не сделали!

А доказательство тому — наше время, годы, которые мы переживаем один за другим, а каждый год все увеличивает и увеличивает опасность ядерной катастрофы.

И уже роли-то переменились, и та литература, которая позволила второй мировой войне стать забытой и даже «неизвестной» войной, — она-то нынче и пресмыкается перед торговцами оружием и помогает им навязать миллионы и миллиарды. Уж кто-кто, а торговцы эти поощряют такую литературу, кому-кому, а им-то она явно на руку; литература же, не уступающая без прикрас, а по истинной правде напоминать, что такое война, что есть народ в войне, человечество в войне, — эта литература антивоенная, гуманная и, быть может, даже самая необходимая в современном мире.

Вот мне и кажется: прочитают люди всего мира Василя Быкова, поймут его, и война будет исключена из их сознания раз и навсегда.

Мечта..

Но ведь без мечты нет и литературы! Нет и художника!

Сергей ЗАЛЫГИН.

